

коя вы веры, и которые земли, что мне много зла творите?“ Они же рекоша ему: „Веры мы христианския, а раби некоего великаго князя Юрья Игоревича Резанскаго, а полку Еупатия Коловратова. Посланы есмя тobia царя силнаго почтити, и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не дивись, царю, не успеваем наливать чаши на великую рать татарскую“. Царь же подивися премудрому их ответу. И посла шурина своего именем Хатавурула на Еупатия, и с ним посла сильныя полки татарския. Хатавурул же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива привести пред царя. И разгупишася сильныя полки татарския, хотяше Еупатия жива взяти. Хатавурул же съехався с Еупатием. Еупатий же, исполнися силою, разреже Хатавурула на полы и до седла. И много тут нарочитых богатырей побилша, а иных на полы пересекоша, а иных до седла крающе. Татарове же возбоишася, видя Еупатия крепька и силна. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем из тмочисленных пушек, и едва Еупатия убиша. И тело его взяша и пред царя принесоша. Царь же Батый посла по мурз, и по князей, и по савновники, им же несть числа, и начаша дивитися храбросту и мужеству резанскому государству. Они же рекоша царю: „Со многими цари и во многих землях бивалися, а такова мы богатыря не видали“. А Игорь же Игоревичь убежа ис полков татарских, и приде в землю Рязанскую. И возжалися о братии своей, и о матери своей Агрепени Ростислановне, и о крепком и сильном Еупатии Коловратове, и нача плакати и рыдати. И в горести заразися о землю, и мертв лежаще на земли, и едва отолияше его, и поношаше по ветру. Одва отдохнувшие душа его в нем. Кто бы не восплachtetца о толикия погибели, или кто не возрадуетца о велице народа людей православных, или кто не пожале о таких государей погибели, или кто не постонет такового пленения? Князь же Игорь Игоревичь повеле разбирати трупия мертвых, и наиде тело матери своея великия княгини Агрепенине Ростиславне, и позна снохи своя, и призва попы и весь собор церковный, которых бог соблюл, и погребе мать свою и снохи своя с плачем великим во псалмех место и пения, кричание велми, похраняше. А протчия трупия мертвых прихраняше, и очисти весь град, и святыя церкви. Князь же Игорь Игоревич поиде где побииенны быша братия его — князь Давид и князь Глеб Игоревичи, и брат их Всеволод Игоревич, и братия князи местныя, и бояре, и воеводы, и удалцы, и резвцы, и узорочья резанския. Лежаще на земли пустешенки, снегом и мразом омерзоша, никим не брегомы, и телеса их от зверей снедаемы, и от птиц разгаргаемы. Все убо въкупе умроша, и едину чашу смертную испиша. Видев же князь Игорь Игоревичь трупия мертвых лежаще, и воскрича горько великим гласом, аки труба разтилася, и в перси бяше своима рукама, и ударися о землю. Слез же его от очию, яко поток, лияшася, и жалосно вещающе: „О милая моя братия господия, како успе живот драгий! Мене ли единого оставиша в толице погибели? Почто аз прежде не умрох? Свете очию моею, где отошли естя сокровище животу моему? Почто не промовите ко мне,